

Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций*

Оксана Михайлова

Аспирантка аспирантской школы по социологическим наукам, стажер-исследователь
Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: oxanamikhailova@gmail.com

В данной статье изложены результаты библиометрического анализа научной области, образованной вокруг понятия «моральная паника». Для того чтобы прояснить особенности ее текущего состояния, был осуществлен анализ материалов базы научного цитирования Web of Science за 1972–2019 годы. По итогам этого анализа были выявлены тематические направления, а также наиболее влиятельные страны, дисциплины, организации и авторы. Показано, что на данный момент доминируют в изучении моральной паники социологи. Самые цитируемые работы по моральной панике связаны с онлайн-исследованиями. Также результаты свидетельствуют в пользу того, что эрозии данного концепта, которой опасались многие исследователи, не произошло — количественно среди публикаций преобладают эмпирические исследования, касающиеся детей и молодежи. Вместе с тем по результатам анализа можно заключить, что исследования моральной паники находятся в процессе развития, так как по количеству публикаций среди теоретических и методологических работ в основном преобладают те, в которых теория моральной паники интегрируется с другими концептами и теориями. Предполагается, что подход к библиометрическому анализу, который был реализован в этой статье, будет полезен для осуществления ревизии других полей, образованных вокруг дискуссионных в социологии понятий, имеющих междисциплинарное происхождение.

Ключевые слова: моральная паника, моральные паники, библиометрия, концепт, концептуальный анализ, онлайн-исследования

Распространение понятий в научном дискурсе, как правило, сопровождается стремительным ростом литературы, в которой они фигурируют. Сейчас многие исследовательские области насчитывают тысячи, а некоторые и миллионы работ, вместе с тем чем крупнее становится исследовательская область, тем сложнее она поддается обзору и систематизации (van Nunen et al., 2018: 248). Научные поля, где имеются сотни работ, могут анализироваться вручную, тогда как более объемные с точки зрения количества публикаций уже требуют применения искусственного

---

* Автор выражает благодарность своему научному руководителю А. В. Быкову и рецензенту за их ценные комментарии к тексту статьи.

интеллекта для обработки всей имеющейся информации по теме. Библиометрический анализ является техникой, которая позволяет проанализировать на макроуровне значительные объемы литературы. Эта техника дает возможность получить статическую и динамическую картину научной области: могут быть выявлены наиболее влиятельные авторы, публикации, журналы, страны и организации, изучены паттерны коллаборации. Кроме того, при помощи библиометрии возможно выделение лидирующих научных направлений и существующих лагун — как содержательных, так и географических.

Библиометрический анализ применялся для изучения множества исследовательских полей, среди которых — и социологические (Akbaritabar, Casnici, Squazzoni, 2018; Kronegger et al., 2012; Mali, Kronegger, Ferligoj, 2010). На мой взгляд, библиометрия особенно значима для социологических исследований, поскольку позволяет решать задачи, связанные с систематизацией социологического знания. Так, в социологической теории есть понятия, имеющие междисциплинарное происхождение и получающие свое развитие сразу в нескольких дисциплинарных областях. Подобные понятия требуют ревизии и контроля со стороны тех, кто их использует. Необходимость этой ревизии обусловлена желанием сохранить способность концепта к различению. В настоящей статье библиометрия была применена для анализа междисциплинарного понятия «моральная паника» (МП). Этот концепт одновременно появился в работах социологического и криминологического характера¹, а спустя годы стал использоваться представителями других научных областей: коммуникационных исследований, психологии и др. Он также стал употребляться и в ненаучных контекстах, например в СМИ. В связи с тем, что понятие МП приобрело популярность сразу в нескольких дисциплинах, исследователи поднимают вопросы о состоянии исследовательского поля, целесообразности его ревизии или вовсе отказа от концепта из-за особенностей его происхождения (Altheide, 2009; Garland, 2008; Hunt, 1997; Krinsky, 2013; McRobbie, Thornton, 1995; Miller, 2016). В частности, они указывают на трудности операционализации этого понятия, ценностную окрашенность и необходимость ограничения круга эмпирических явлений, к которым оно применяется (Cohen, 2011: 34, 35, 40; David et al., 2011: 217–226; Monod, 2017: 29; Rohloff, Wright, 2010: 405–407)².

Осуществляя библиометрический анализ исследовательского поля МП, я стремлюсь частично прояснить перспективы, которые имеет использование этого понятия в социологии. В силу того, что употребление концепта в определенном контексте связано с вкладываемыми в него смыслами, выявление контекстов позволяет определить возможные пути развития этого понятия в социологической теории. Также знание о том, кто помимо социологов использует термин «мораль-

---

1. В 1971 г. выходит работа Д. Янга «The Role of the Police as Amplifiers of Deviancy, Negotiators of Reality and Translators», где употребляется этот термин, а в 1972 году увидела свет книга по итогам кандидатской диссертации С. Коэна «Mods and Rockers», в которой излагается теория МП (Cohen, 2011).

2. Так, например, ведется спор относительно того, насколько это понятие уместно для обсуждения массовых реакций на антропогенные катастрофы (Ungar, 2001).

ная паника», даст представление о междисциплинарных влияниях, оказываемых на значение этого понятия. Кроме того, выявление организационного, странового и журнального распределения сил может продемонстрировать границы поля МП и определить тех, кто эти границы создает. Помимо вклада в социологическое знание о концепте в настоящей статье предлагается подход к изучению судьбы понятий, который позволяет проследить внутри- и междисциплинарные влияния на их развитие.

Предыдущие исследования узусов понятия «моральная паника» в научных публикациях не опирались на систематический анализ корпуса работ (Garland, 2008; Krinsky, 2013; McLaughlin, 2014; Ефанов, 2019), что могло вести к недостаточно обоснованным заключениям об использовании концепта. В этом исследовании предпринята попытка сделать заключения о состоянии области исследований МП более доказательными. Соответственно, систематически анализируются все публикации по этой теме, которые хранятся в базе научного цитирования Web of Science (WoS). Было изучено 1296 публикаций из этой базы за 1972–2019 годы, которые можно найти по поисковому запросу «moral panic*». Научные работы анализировались при помощи сетевого анализа, контент-анализа и тематического качественного анализа.

Сначала в статье рассматриваются отечественные и зарубежные работы, связанные с анализом употребления термина МП, затем описывается методология анализа и эмпирическая база исследования. Далее представляются результаты анализа и в заключение приводятся и обсуждаются выводы.

Исследования специфики использования понятия МП в научном и ненаучном дискурсах

МП может быть определена как коллективная реакция, которая является результатом веры в существование людей с несоответствующим текущим моральным нормам поведением («народные дьяволы»)³, которые угрожают сохранности общества (Cohen, 2011). Употребление этого концепта изучалось в медиа, научном и публичном контекстах (Altheide, 2009; Garland, 2008; Hunt, 1997; Krinsky, 2013; McRobbie, Thornton, 1995; Miller, 2016; Ефанов, 2019). В узусе прессы данное понятие было рассмотрено Д. Альтеиде (Altheide, 2009), который осуществил качественный контент-анализ его использования в американских и британских СМИ.

---

3. Понятие «народный дьявол» является частью классического определения МП, предложенного С. Коэном. В качестве примеров народных дьяволов можно привести потребителей психоактивных веществ, гомосексуальных и транссексуальных людей, ВИЧ-инфицированных, бездомных, беженцев, мигрантов, террористов, а также представителей новых религиозных движений. Среди исследователей МП пока не сформировалось консенсуса относительно причин, которые приводят к тому, что тот или иной субъект или группа субъектов становятся народными дьяволами, поэтому, несмотря на то что в большинстве случаев народными дьяволами оказывались маргинальные социальные группы, нельзя утверждать, что все народные дьяволы становятся таковыми в силу собственной маргинальности.

В результате было выявлено, что о моральной панике пишут преимущественно в печатной прессе, на телевидении же данный концепт употребляется редко. Кроме того, он более свойственен узусу критически настроенной публики и фигурирует в риторике о психоактивных веществах и сексе. Совместно с другими темами, для которых понятие МП также релевантно, например терроризм, оно употребляется реже. К сожалению, исследование Альтеиде имеет ограничения с точки зрения возможной переносимости выводов на другие страны, поскольку он изучил только американские и британские СМИ. В статье также не хватает анализа употребления понятия в «новых» медиа, которые в не меньшей степени формируют новостную повестку, что и «старые». Таким образом, получается, что мы до сих пор не имеем комплексного представления об использовании в печатных СМИ этого концепта в разных странах, а также не знаем, какую роль в наполнении значения этого понятия играют «новые» медиа.

Использование понятия МП социологами проанализировали Д. Гарланд, Ч. Крински, Е. Маклаффлин и А. Ефанов. Гарланд обнаружил у этого концепта фрейдистские и дюркгеймианские корни (Garland, 2008). Наиболее распространенным узусом в научной литературе Гарланд называет представление об МП как о преувеличенной социальной реакции. Эта реакция на руку определенным индивидуальным и коллективным акторам, которые и способствуют ее распространению. В свою очередь, существенно меньше внимания уделяется психологическим и моральным корням МП. Кроме того, Гарланд пишет, что данное понятие всегда является внешним по отношению к изучаемой группе. Он размещает этот концепт среди таких социологических терминов, как «отрицание», «культурная травма», «реакции общества риска». Крински выделяет две волны использования МП с точки зрения разработанности понятия (Krinsky, 2013): в 1970–1980-е годы лишь небольшое количество исследователей работали над развитием концепта, но уже в первой половине 1990-х их число увеличилось. Маклаффлин описывает, как развивалось данное понятие в публикациях Д. Янга (McLaughlin, 2014), который распространил его на криминологию. Однако Янг относился к концепту амбивалентно: то признавая выигрышные стороны понятия для криминологии, то подвергая сомнению его ценность. Ефанов анализирует употребление МП в нескольких российских социологических работах, посвященных социологии молодежи (Ефанов, 2019). Несмотря на то что исследования Гарланда, Крински, Маклаффлина и Ефанова проясняют некоторые из контекстов употребления понятия МП в научном дискурсе, нельзя быть уверенным в полноте и валидности полученных результатов, так как в этих исследованиях не анализируется весь спектр работ (по рассматриваемой теме) и не описывается эксплицитная стратегия их отбора и анализа.

Использование понятия МП в обыденном языке проанализировали А. Макробби, С. Л. Торнтон и Т. Миллер (McRobbie, Thornton, 1995). В результате их исследования было выяснено, что приобретение понятием МП популярности среди неакадемической публики привело к изменениям в поведении медиа, полицейских, «народных дьяволов», бизнесменов и аудиторий СМИ. Медиа и полицейские

стали предпринимать меры для предупреждения развития МП, работая с потребителями медиаконтента. «Народные дьяволы» получили больше доступа к созданию собственной новостной повестки, что сделало возможным противостояние их демонизации. Бизнесмены осознали выгоды, которые они могут получить в результате стигматизации потребления определенной продукции в ходе МП. Негативно маркированные общественными опасениями товары получили новую рыночную нишу, за счет того, что интерес к их потреблению возник у андеграундной публики и молодежи. В связи с совокупностью перечисленных выше социальных изменений Макробби, Торнтон и Миллер призывают к ревизии старых теоретических представлений об МП, не уделявших большого внимания публике. Реакция последней рассматривалась как монолитная, скоординированная.

Миллер описывает употребление концепта МП в публичной сфере (Miller, 2016). Изначально, по его словам, это понятие ассоциировалось с прогрессивной критической риторикой, поэтому стало использоваться в таком известном медицинском журнале, как *The Lancet*, завоевало уважение среди ЛГБТ-активистов, а также приобрело свое место в лексиконе либертарианцев. Его популярность связывается с распространением идей об обществе риска и с тем, что многие МП сконцентрированы вокруг молодежи, практики которой всегда вызывали недоверие у старших поколений. Одновременно отмечается недооцененность потенциала концепта для рефлексии относительно милитаризма. Работы Макробби, Торнтон и Миллера отражают динамику, а также спектр направлений, в которых используется понятие МП в ненаучной среде. Однако анализ, который был проведен исследователями, не в полной мере прозрачен, поскольку авторы не уделяют внимание в тексте его процедуре. Соответственно, как и в случае с изучением данного концепта в научном дискурсе, мне кажется необходимым провести исследование с использованием более эксплицитно прописанной методологии, что позволит уточнить представление о контекстах его употребления в публичном дискурсе.

Комплексный анализ применения понятия МП в СМИ, социологии и криминологии осуществил А. Хант (Hunt, 1997). В социологии и криминологии он выделяет три теоретических направления, в которых используется данный концепт (теория групповых интересов, теория инжиниринга элиты и теория грассрутов). К середине 1980-х понятие стало употребляться за пределами академического мира: концепт упоминается в СМИ в связи со СПИДом, насилием над детьми, агрессией футбольных болельщиков, зависимостью от психоактивных веществ, подростковыми преступлениями и суррогатным материнством. С течением времени количество коннотаций понятия в СМИ расширилось. Хант считает, что социологи должны следить за увеличением числа значений, которые приписываются этому понятию в медиа, поскольку употребление понятия МП в СМИ не только воздействует на степень моральности языка медиа, но и влияет на употребление понятия в академическом мире. Время, описанное Хантом (1990-е годы), характеризовалось восприятием СМИ МП как культурного феномена, превалирова-

нием его понимания в рамках теории грассрутов⁴. Хант, рассматривая в рамках одной научной статьи применение понятия сразу в трех типах источников, так же как и другие исследователи, не уделяет должного внимания методологии исследования. К сожалению, это не позволяет нам сделать окончательные выводы о месте понятия МП в научном и медийном контекстах на основе результатов его работы.

На мой взгляд, каждый из контекстов употребления этого концепта — научный, медийный и относящийся к публичной сфере — требует отдельной методологии анализа, поскольку обладает своей инфраструктурой для словоупотребления. В этой статье я обращаюсь только к научному дискурсу как пространству использования понятия МП, поскольку именно он дал толчок использованию понятия МП в других сферах. Концентрируясь на материалах базы научного цитирования WoS, в которой публикуются работы представителей разных стран, я стремлюсь сделать исследование более валидным. Однако я понимаю, что результаты подобного подхода также обладают ограничениями, в первую очередь связанными со спектром публикаций, которые включены в WoS. Они будут более подробно описаны в части статьи, посвященной обсуждению результатов. С точки зрения методологии данное исследование, как и работа Альтеиде, опирается на контент-анализ. В то же время, помимо изучения того, в каких контекстах используется понятие МП, мною выделяются наиболее авторитетные авторы, журналы, организации и страны, которые его используют. Таким образом, контент-анализ употребления дополняется сетевым анализом. Контент-анализ в этой статье служит в том числе иллюстрацией к тематическому анализу публикаций, позволяя продемонстрировать слова-маркеры каждого направления. Далее будут более подробно описаны методология данного исследования и эмпирическая база.

Методология библиометрического анализа и эмпирическая база

Для анализа употребления понятия МП в научной литературе был осуществлен поиск статей по ключевому слову «moral panic*» на английском языке в базе данных WoS. По итогам поиска было обнаружено 1296 статей. Из рисунка 1 становится понятным, что большинство этих работ было издано уже в XXI веке. Такая ситуация может быть связана с особенностями WoS как базы, к тому же это может объясняться динамикой публикаций по МП. Сопоставление изменения количества публикаций по этому концепту во времени в трех базах научного цитирования (WoS, Scopus и Google Scholar) показывает, что текущая литература, связанная с данным понятием, преимущественно, выпускалась после 2000-х годов. Кроме того, необходимо отметить, что темпоральная динамика использования самого

---

4. Согласно теории грассрутов, политики и медиа не могут внушать опасения относительно того, что уже не вызывает тревогу у людей (Hunt, 1997: 636). Соответственно, МП происходят из существующего публичного опасения, и СМИ лишь его отражает. Эта теория считается теорией «снизу», в отличие от теории элит или групп интересов, в которых опасение формируется определенными группами, обладающими ресурсами, и затем массово тиражируется агентами распространения МП.

термина и его контекстов не может быть исследована посредством анализа только лишь базы WoS, на которую я опираюсь в этой статье, потому что по представленному сопоставлению баз видно, что пики и падения процента публикаций в трех базах не совпадают. Для получения более достоверного знания об употреблении понятия в динамике следует осуществить триангуляцию источников из нескольких баз.

При помощи программы Vosviewer были построены 4 сети цитирования между авторами, странами, организациями, журналами. Далее они были визуализированы. Размер узла в этих сетях отражает количество цитирований, которое имеет актор, а цвет — среднее взвешенное годов выпуска публикаций, принадлежащих ему. Связями послужили нормированные цитирования акторами друг друга. Вдобавок были использованы данные по областям, в которых публиковались работы по МП⁵.

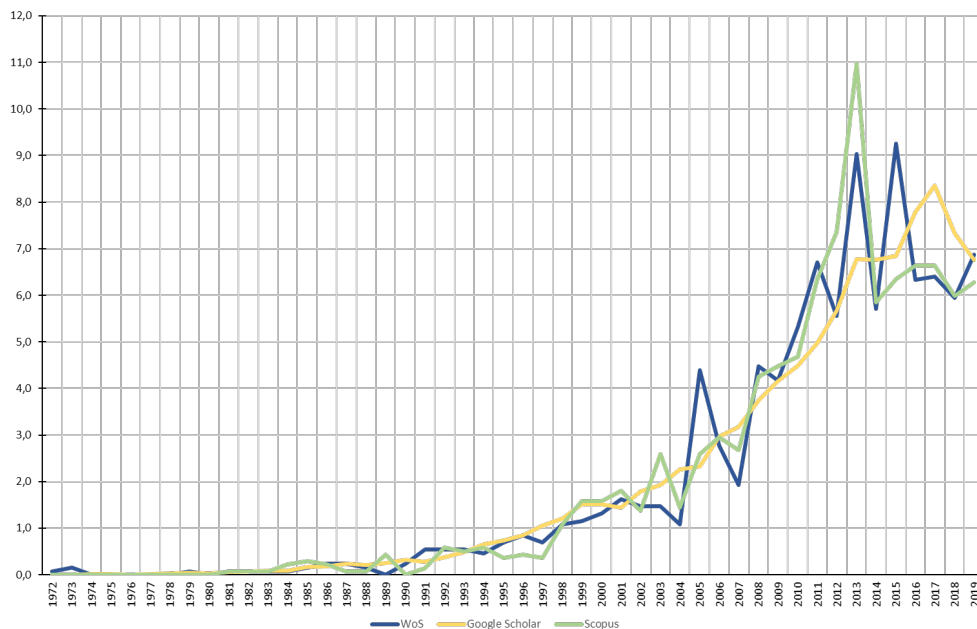

Рис. 1. Динамика % публикаций, выпущенных в трех базах научного цитирования (% от общего количества публикаций за весь временной период)

Анализ аннотаций был осуществлен при помощи программы для текстовой обработки — Automar. Очистка включала в себя удаление символов, цифр, пробелов, пунктуации, «стоп-слов» (служебные части речи, местоимения и т. д.), стематизацию. Также были укрупнены категории слов⁶. Единицей анализа стала одна

5. Области определяются WoS автоматически.

6. Например, слова «terrorist» и «terrorism» были объединены в категорию «terrorism».

аннотация. Всего в аннотациях упоминаются 5853 стемы. Я остановилась именно на аннотациях для выявления контекстов употребления понятия МП, а не на ключевых словах, несмотря на то что обычно для выделения контекстов используются ключевые слова (Maltseva, Batagelj, 2020). Это обусловлено тем, что ключевые слова были предложены только к половине статей в собранной базе. Кроме того, аннотации более насыщены в смысловом отношении по сравнению с ключевыми словами. Соответственно, предполагалось, что их анализ даст более грубую картину использования понятия, нежели анализ аннотаций.

Кто пишет о моральной панике?

Описание того, кто выпускает публикации об МП, было разделено на несколько блоков в соответствии с типами акторов, которые используют это понятие: страны и территории, области, организации, журналы и авторы.

Страны и территории. Об МП пишут исследователи из 70 стран (рис. 2). Из них 29 находятся в Европе, 14 — в Азии, 8 — в Северной Америке, 4 — в Южной Америке, 3 — в Африке и 1 — в Океании. Такое распределение по континентам демонстрирует наличие географического неравенства в данной исследовательской области. 68,56% стран произвели от 1 до 9 публикаций, 25,7% — от 10 до 39 публикаций и 5,6% — более чем 90 публикаций. Большой разрыв в публикационной активности между странами и территориями-лидерами и всеми остальными дает возможность предположить, что лидеры в исследованиях МП сформировались достаточно давно, и скорее всего в ближайшее время текущее распределение сил не изменится. Авторы из США дают наибольшее количество публикаций (354), также много работ создано англичанами (285) и австралийцами (133). Зафиксированный мной страновой и территориальный паттерн публикационной активности не отличается от общего для социологии в данный период. Иными словами, область исследований моральной паники отражает общие тренды развития социологических исследований, несмотря на совместную работу над этим понятием исследователей из разных дисциплин.

Таблица 1 показывает пять стран и территорий-лидеров по количеству работ, посвященных МП. Все они англоязычны, что скорее всего объясняется тем, что аннотации в моей выборке тоже были отобраны на английском языке. Кроме того, заметно, что экономическое развитие страны сопутствует ее продуктивности в области исследований МП, так как все страны, располагающиеся в топе по количеству публикаций, относятся к G7 (Большая семерка). Подобный паттерн преобладания индустриализированных стран среди лидеров по количеству публикаций наблюдается и в других исследовательских полях (Nunen et al., 2018: 4).

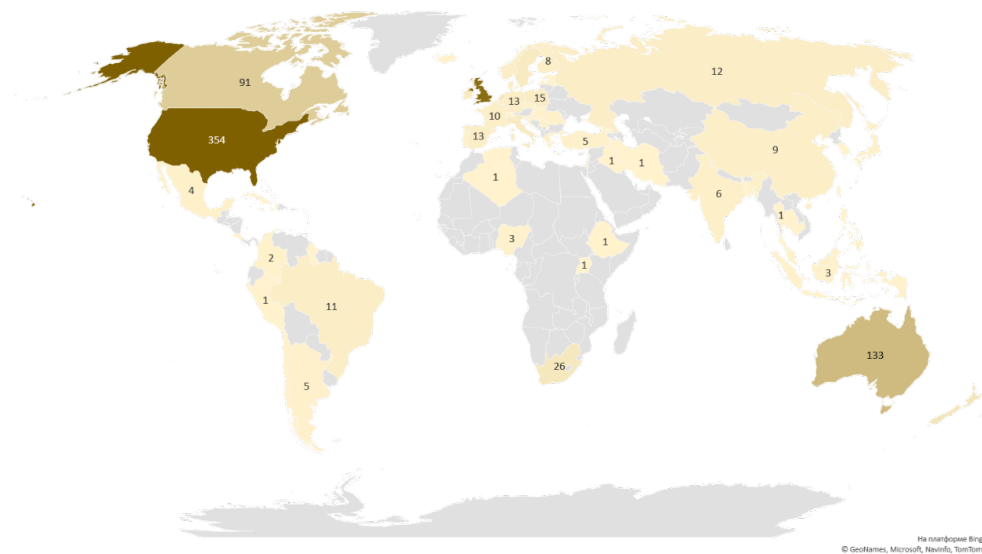

Рис. 2. Страновое распределение количества публикаций⁷

Лидером по цитированию других работ и цитируемости являются США: это означает, что публикации исследователей из этой страны больше всего цитируются, и сами исследователи из этой страны много цитируют авторов публикаций из других стран. Также значительным количеством цитирований обладают работы английских, австралийских, голландских и бельгийских авторов (табл. 1).

Таблица 1. Страны и территории-лидеры по цитируемости публикаций⁸

№	Страна	Цитируемость
1	США	672
2	Англия	502
3	Австралия	331
4	Нидерланды	167
5	Бельгия	147

Работы, принадлежащие авторам из стран и территорий-лидеров по цитируемости публикаций, в основном были выпущены в 2016–2017 годах (рис. 3). Это означает, что в области исследований МП сейчас наиболее значимы свежие публикации, более старые работы обладают меньшей актуальностью у современных исследователей МП. Помимо этого заметно, что цитируют друг друга в большей мере

7. Чем темнее цвет территории на карте, тем больше работ было выполнено авторами, принадлежащими к ней. Цифровые значения отражают количество выпущенных работ.

8. Здесь и далее в количество цитирований входят только работы, индексируемые в WoS.

в поле исследований МП именно страны — лидеры по количеству публикаций, то есть США, Англия, Канада, Шотландия. Также плотные связи в плане цитирования наблюдаются между Италией, Данией, Бельгией и Новой Зеландией. Поскольку количество работ, выпущенных странами, и цитируемость сильно коррелируют (r -Пирсона = 0,92), можно говорить о том, что продуктивность страны в области исследований МП связана с высокой значимостью (цитируемостью) публикаций этой страны в поле.

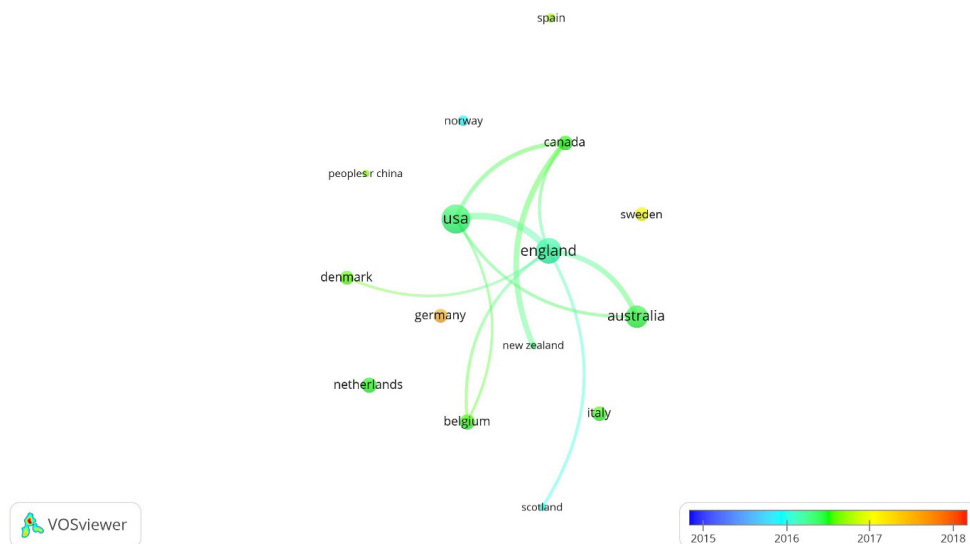

Рис. 3. 20 наиболее цитируемых стран⁹

Научные области. Всего об МП опубликовали работы представители 95 научных областей. Это как исследователи, принадлежащие к монодисциплинарным направлениям: психологии, социологии, культурологии, криминологии, антропологии, археологии, химии, неврологии и т. д., так и участники междисциплинарных проектов, например, исследования женщин, города, этничности и семьи.

Научные публикации, в которых упоминается МП, были преимущественно написаны в социологии (22,9%), криминологии (14%), междисциплинарных социальных науках (11%) и исследованиях коммуникации (9%) (рис. 4 и табл. 2). Лидерство социологии по числу публикаций устойчиво во времени, хотя заметно, что с 1970–1990-х годов оно стало менее абсолютным, а в последующие годы произо-

9. Размер узла отражает количество цитирований, которое приходится на одну страну. Цвет — среднее взвешенное годов выпуска публикаций, опубликованных авторами из этой страны. Связи между странами представляют собой цитирование авторами из одной страны авторов из другой страны. Толщина связей отражает их вес, то есть количество цитирований странами друг друга. Сеть ненаправленная (направления цитирования не указаны). Всего между этими странами имеется 141 связь, но визуализированы только 10 наиболее сильных.

шла заметная фрагментация поля. Другие области, в которых наиболее активно используется это понятие, — ротируются. Так, в 1972–2009-е годы концепт МП был широко распространен наряду с социологией — в криминологии, тогда как в 2010–2019-е годы он стал больше употребляться в междисциплинарных социально-научных исследованиях, нежели в криминологии.

Если сопоставить начало фрагментации поля исследований МП с количеством публикаций, в которых фигурировало это понятие (рис. 1), то можно предположить, что именно распространение понятия МП вне социологического языка описания позволило стать ему более известным в научном сообществе. По стремительности роста количества работ, выпущенных в области коммуникационных исследований, а также падению объемов публикаций криминологов можно предположить, что в будущем понятие МП останется в основном элементом социологического языка, будет менее популярным в криминологии и станет более широкоупотребимым среди исследователей коммуникаций. Также, возможно, нас ожидает приращение публикаций с обращением к концепту среди представителей биомедицинских социальных исследований ввиду особой актуальности этого направления.

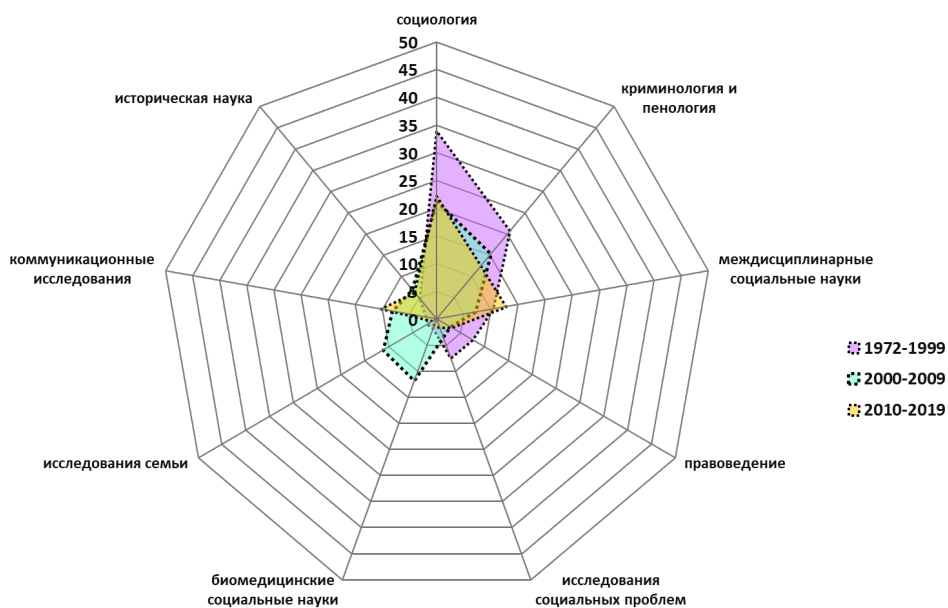

Рис. 4. Профиль исследований моральной паники по областям в темпоральной перспективе (данные в %)

Таблица 2. Области — лидеры по числу опубликованных работ (данные в %)

№	Область	1972–1999	2000–2009	2010–2019
1	Социология	33,96	21,25	22,18
2	Криминология и пенология	20,76	15,31	12,53
3	Междисциплинарные социальные науки	10,38	7,19	12,76
4	Правоведение	7,55	2,81	3,22
5	Исследования социальных проблем	7,55	3,44	1,72
6	Биомедицинские социальные науки	1,89	11,88	1,26
7	Исследования семьи	1,89	11,25	0,81
8	Коммуникационные исследования	1,89	8,13	10,23
9	Историческая наука	4,72	6,88	6,21

Организации. В общей совокупности об МП писали представители 801 организации. 65,8% из них выпустило по одной публикации; 32,2% — от 2 до 9; 2% — от 10 до 24. По распределению публикаций по организациям заметно, что, в отличие от странового неравенства, организационное неравенство в поле исследований МП менее выражено. В нем имеется небольшое количество лидеров, объем работ которых сопоставим с медианой количества работ, выпущенных одной организацией в этой области. Больше всего публикаций (табл. 3) было произведено Эдинбургским университетом (24), на втором месте по количеству научных работ находится университет Сиднея (17), а на третьем — университет Торонто (16). Организации — лидеры по количеству публикаций соответствуют странам и территориям с точки зрения географической привязки.

Таблица 3. Организации — лидеры по количеству публикаций

№	Организации	Кол-во
1	Университет Эдинбурга	24
2	Университет Сиднея	17
3	Университет Торонто	16
4	Университет Оксфорда	15
5	Университет Шеффилда	14

Среди организаций, обладающих наибольшим влиянием (исходя из цитируемости), находятся американские, британские, австралийские университеты и корпорации (табл. 4). Также значимы китайские, австралийские и польские организации. Лидирует по цитируемости и цитированию Microsoft Research. Однако эта корпорация не является организацией с наибольшим количеством выпущенных публикаций, то же характерно и для других лидеров по цитируемости. Наиболее влиятельные организации отличаются тем, что их работы были выпущены в 2014–

2017 годах, организации с меньшей цитируемостью научных работ опубликовали их позже — в 2018–2019 либо в 2014–2015 годах. Самые плотные связи в плане цитирования наблюдаются между организациями — лидерами по цитируемости.

Таблица 4. Организации — лидеры по цитируемости публикаций

№	Организации	Цитируемость
1	Microsoft Research	114
2	Университет Сиднея	109
3	Университет Нью-Йорка	106
4	Университет Оксфорда	105
5	Университет Южного Уэльса	104

Источники. Всего по данным WoS, работы, которые используют термин МП, были опубликованы в 780 источниках. В 72,8% изданий было выпущено по одной статье, в 25,8% — от 2 до 9 и в 1,3% — от 10 до 36. Больше всего статей, посвященных МП, было издано в Culture, Health & Sexuality (табл. 5). Вероятно, это связано с популярностью эмпирического контекста здоровья в исследованиях МП. Кроме того, лидируют по количеству публикаций три криминологических журнала и один социологический. Поскольку среди журналов, в которых публикуется наибольшее количество работ, посвященных моральной панике, много узкоотраслевых, на мой взгляд, это демонстрирует, что понятие является специализированным, маргинальным концептом, не широко распространенным в социологическом мейн-стриме.

Таблица 5. Журналы — лидеры по количеству публикаций

№	Журналы	Кол-во публикаций
1	Culture, Health & Sexuality	36
2	Crime, Media, Culture	19
3	Deviant Behavior	19
4	The British Journal of Criminology	17
5	The British Journal of Sociology	14

Наиболее цитируемым журналом, в котором представлены статьи по МП, является Journal of Behavioral Addictions. Как можно заметить, сначала журналы, в которых публиковались работы, связанные с этим понятием, были общедисциплинарными, но в последние годы публикации, посвященные МП, стали появляться в журналах, связанных с тематикой здоровья. В текущий топ по цитируемости публикаций входят также два журнала, связанные с исследованиями медиакоммуникаций: International Journal of Communication и Feminist Media Stud-

ies. Вдобавок в нем находятся журналы, относящиеся к социологии и социальной политике в области спорта. Источники — лидеры по числу публикаций, связанных с МП, сильно отличаются от высокоцитируемых изданий. В отличие от лидеров по цитируемости, в число журналов — лидеров по количеству публикаций не входят американские, но имеются британские источники. Наиболее активно цитируем в поле исследований МП журнал *Crime, Media, Culture* (рис. 5). Этот журнал не преобладает над другими по цитируемости вне научного дискурса об МП, но занимает значимое место среди тех, кто пишет об МП.

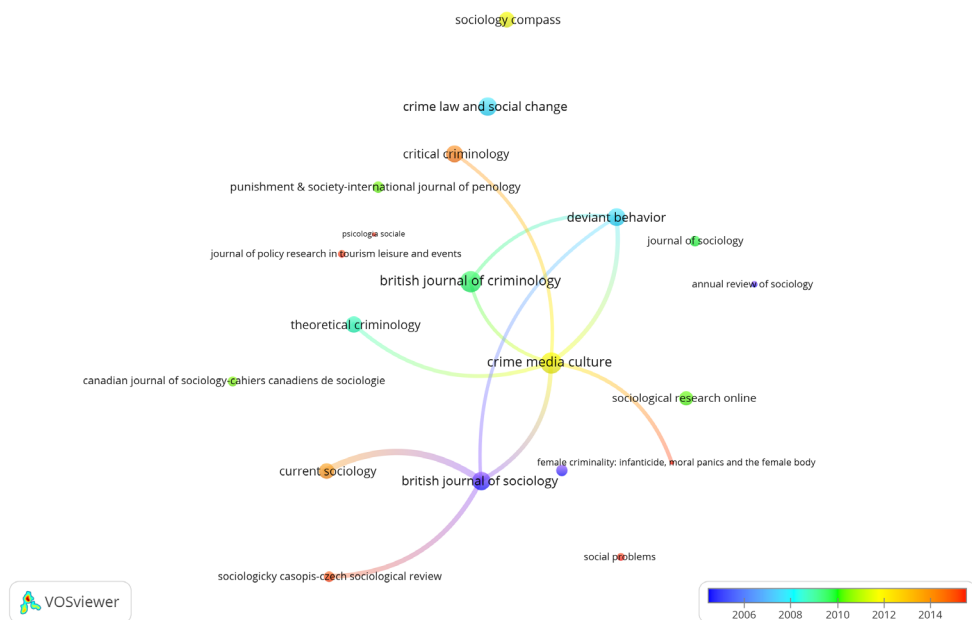

Рис. 5. 29 наиболее цитируемых журналов¹⁰.

10. Размер узла отражает количество цитирований, которое приходится на один журнал. Цвет — среднее взвешенное годов выпуска публикаций, вышедших в этом журнале. Связи между журналами представляют собой цитирование в публикациях одного журнала публикаций из другого. Толщина связей отражает их вес, то есть количество цитирований журналами друг друга. Сеть ненаправленная (направления цитирования не указаны). Всего между этими журналами имеется 100 связей, но визуализированы только 15 наиболее сильных.

Таблица 6. Журналы — лидеры по цитируемости публикаций

№	Журналы	Цитируемость
1	Journal of Behavioral Addictions	155
2	International Journal of Communication	124
3	Feminist Media Studies	122
4	American Journal of Sociology	77
5	International Journal of Sport Policy and Politics	34

Авторы. В общей совокупности об МП писали 1650 авторов. 90,2% — выпустили одну публикацию, от 2 до 9 — 9,8%. Больше всего работ у Марка Смита — 9. Авторы — лидеры по числу публикаций писали о моральной панике у работников социальных служб (Смит, Клэптон, Кри и Пилгрим), связи агрессии и игры в видеоигры (Фергюсон) и развитии теории моральной паники (Монод) (табл. 7).

Таблица 7. Авторы — лидеры по количеству публикаций

№	Авторы	Кол-во публикаций
1	Марк Смит	9
2	Гэрри Клаптон	8
3	Вивьен Кри	8
4	Кристофер Фергюсон	8
5	Сара Монод	8
6	Дэвид Пилгрим	8

Всего две работы с наибольшим цитированием выпустила Нэнси Бейм (табл. 8), ее статьи цитировали 114 раз. Чуть менее цитируемы публикации Терезы Сенфт (105), Эммы Джейн (103), Джорджа Дуранда (77), Мейси Дугласа (77) и Карен Прен (77). Т. Сенфт и Н. Бейм написали совместную работу про селфи (Senft, Baum, 2015). Эта статья как раз и обладает высоким цитированием в поле. Публикация Э. Джейн посвящена репрезентациям e-bile в интернете (форма гендеризованного кибербуллинга) (Jane, 2014). Дуглас, Дуранд и Прен опубликовали статью, которая посвящена анализу политики по отношению к иммигрантам в США, в которой обсуждаются причины, по которым эта политика была неудачной (Massey, Durand, Pren, 2016). Исследования других высокоцитируемых авторов посвящены анализу насилия в онлайн-играх и игровой аддикции (Billieux et al., 2017), политической обстановке в Германии (Grimm, 2015), криминологическим исследованиям преступных группировок (Morgan, Dagistanli, Martin, 2010), теории МП (Cree, Clapton, Smith, 2015), социальной работе (Cree, Clapton, Smith, 2016), потреблению психоактивных веществ (Warf, 2014), социальным сетям и школьникам (Segool et al., 2016), миграции (Taylor, 2014).

Таблица 8. Авторы — лидеры по цитируемости публикаций

№	Авторы	Цитируемость
1	Нэнси Бейм	114
2	Тереза Сенфт	105
3	Джейн Эмма	103
4	Дуранд Джордж	77
5	Дуглас Мейси	77
6	Прен Карен	77

По распределению тематик наиболее цитируемых авторов заметно, что большинство из них пишут об МП в контексте онлайн-исследований — например, таких как игровая зависимость, агрессия, размещение селфи, другие тематические контексты менее популярны. Если посмотреть на цитирование в динамике, то заметно, что цифровой контекст стал получать популярность с 2010-х годов. Внутри поля больше всего цитирует другие работы и цитируем сам Венугопал Раеш (профессор Лондонской школы экономики), занимающийся вопросами этничности и исследованием отношений между государством и бизнесом. Наиболее цитируемые авторы в поле МП не специализируются на изучении этого концепта, как демонстрируют их CV. Вероятно, это подкрепляет уже озвученное в результате анализа журналов предположение, что исследования МП все же являются относительно маргинальными и пока не формируют самостоятельного исследовательского направления.

Что пишут о моральной панике?

Помимо тех акторов, которые производят работы в связи с понятием МП, используя тематическое кодирование и контент-анализ, были выявлены содержательные тематические блоки в теоретических, методологических и эмпирических работах, посвященных этому концепту. Далее эти блоки будут кратко описаны.

Теоретические и методологические работы. Было выделено 9 тематических направлений, в связи с которыми пишут об МП в теоретических и методологических публикациях (рис. 6). По итогам анализа корпуса статей сделан вывод, что больше всего публикаций в нем посвящено двум темам: интеграции теории МП с другими концептами (27%) и анализу роли СМИ в производстве МП (28%). Количественное преобладание публикаций, связанных с обновлением теории МП, над другими понятиями и теоретическими направлениями, вероятно, показывает, что исследователи МП предпринимают постоянные попытки для укрепления позиций понятия в разных теоретических рамках и ищут ему устойчивое место. Меньше всего статей в ней посвящено социально-психологическим подходам. В свою очередь, су-

щественное количество статей, связанных с анализом роли СМИ в развитии МП, скорее всего демонстрирует проработанность этого аспекта исследований МП.

В целом среди всех тематических направлений наименее наполненными научными публикациями стали категории работ, связанных с измерением моральной паники (2%) и критикой и демонстрацией ограничений (2%). Возможно, незначительность количества статей, предлагающих новые подходы к измерению МП, связана со сложностями в операционализации понятия в эмпирических исследованиях, о которых упоминают многие. Небольшое количество работ, посвященных критике и демонстрации ограничений понятия, показывает, что в области МП еще имеется потенциал для критики и подкрепляет предположение о том, что теория моральной паники находится еще в стадии развития и поиска своей ниши.

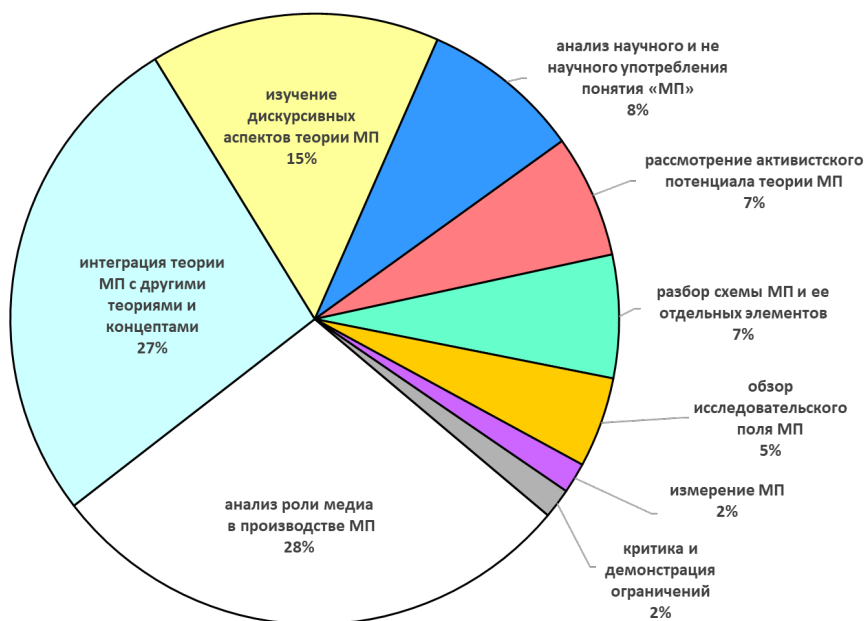

Рис. 6. Распределение теоретико-методологических статей по тематическим направлениям

Эмпирические исследования. Было выделено 18 тематических направлений эмпирических публикаций, в рамках которых используется понятие моральной паники (рис. 7). Больше всего статей в моем корпусе оказалось посвящено детям и молодежи, преступлениям, гендеру, образованию и науке. Меньше всего — аддиктивному поведению, технологическим рискам, расе и этничности, культуре, терроризму и катастрофам, эзотерике и религии, спорту и животным. Спорт, животные, катастрофы, а также технологические риски немногочисленны скорее всего потому, что являются свежими сюжетами для исследователей МП. По вопросу

этих эмпирических контекстов использования понятия еще не достигнуто консенсуса, поэтому и публикаций по ним не так уж и много. Тогда как дети и молодежь находились в ядре теории С. Коэна и поэтому наибольшее количество работ все же пока посвящено именно этому эмпирическому объекту.

Необходимо заметить, что все тематические направления эмпирических исследований зачастую пересекаются между собой. Так, например, тема детей и молодежи возникает совместно с религией и эзотерикой — в частности, когда идет речь о сатанинском ритуальном насилии. Эта тема вдобавок пересекается с сексуальностью и преступлениями. Таким образом, дальнейшие изменения в распределении направлений, связанных с исследованиями МП, будут реляционными, т. е. вместе с ростом эмпирических объектов, связанных со здоровьем, скорее всего увеличится присутствие тематик города, политики, преступлений, детей, миграции, сексуальности, а также спорта.

Рис. 7. Распределение эмпирических исследований по тематическим направлениям¹¹

Заключение и обсуждение

В этой статье я воспользовалась библиометрическим анализом для выяснения того, кто и в каких контекстах пишет об МП в академических текстах. Анализировались публикации в базе научного цитирования WoS, написанные с 1972 по 2019 год. По результатам исследования были выявлены области и страны, в которых

11. В категорию «прочее» объединены те публикации, которые соответствуют темам, занимающим в выборке менее 4%.

выпускаются академические работы с использованием концепта, журналы, институты, наиболее цитируемые авторы, а также тематические направления, в которых понятие фигурирует в эмпирических и теоретико-методологических статьях.

Обобщая полученную информацию об области, можно сказать, что сейчас понятие МП далеко не настолько популярно среди ученых, как это было в 2000-е годы, хотя до 2000-х годов оно также не было востребовано. Пик использования пришелся на то время, когда употребление понятия вышло за рамки социологического и криминологического дискурсов и стало особенно актуальным для биомедицинских социальных исследований.

На данный момент социология все еще превалирует над другими дисциплинами в использовании концепта МП. Данный факт свидетельствует о том, что о моральной панике в научном дискурсе преимущественно принято высказываться в социологическом ключе, и социологические статьи и журналы являются центральными для обсуждения этого понятия. Заметно также, что в термине в большей мере продолжают подчеркиваться социологические компоненты, тогда как психологические и криминологические его особенности остаются на периферии. Полученный мною вывод соответствует заключению об узусах понятия МП, которое делает Гарланд. Этот исследователь утверждает, что в научных публикациях психологическим и моральным корням данного понятия уделяется недостаточно внимания (Garland, 2008). Возможно, такая ситуация связана с тем, что в психологии с понятием МП конкурируют другие концепты, например «массовая истерия». Для того чтобы укрепить позиции этого понятия в научном языке, мне кажется необходимым провести анализ его психологических аспектов и связанной с ними теории. Вероятно также, что ввиду нынешней эпидемиологической ситуации в мире (пандемии коронавируса) использование этого понятия в социальных биомедицинских исследованиях снова возрастет. Предпосылки к этому уже есть, поскольку в последние годы, как показал мой анализ, статьи по МП стали особенно часто публиковаться в журналах, посвященных исследованиям здоровья.

Несмотря на то что с точки зрения использования понятия МП в различных дисциплинах возможна определенная динамика, распределение стран — лидеров исследований в этой области, скорее всего, не поменяется в ближайшее время — если, конечно, не произойдут более глобальные трансформации в социологическом ландшафте. К лидирующим сейчас в области исследований МП относятся США и Великобритания, институты этих стран также превалируют по количеству цитирований среди организаций. Сосредоточение исследовательского потенциала в США и Великобритании означает, что академическая культура этих государств оказывает значительное влияние на смысловое содержание понятия МП. Соответственно, исследователи из других стран в меньшей степени способны оказывать влияние на дефиницию этого понятия в научном дискурсе — по крайней мере, в том его сегменте, который находит свое отражение в журналах WoS. Таким образом, может оказаться, что данный концепт не получает всестороннего развития из-за того, что к работе с ним преимущественно подключены США и Великобри-

тания. Возможно также, что эта страновая привязка обусловлена тем, что в США и Великобритании понятие МП широко используется не только в научной литературе, но и в СМИ, вследствие чего существование данного понятия в научном дискурсе поддерживается его употреблением в ненаучном. Поэтому возможно, что популяризация понятия МП в других странах зависит от интереса к нему со стороны местных СМИ. Кроме того, страновое доминирование оказывает воздействие на внешнюю валидность теории МП. Поскольку исследования с использованием данного концепта сосредотачиваются в США и Великобритании, мы не так хорошо осведомлены о том, как это понятие работает в других странах. В случаях, когда североамериканский или европейский исследователь проводит свое исследование в других регионах мира, его позиция по отношению к изучаемым феноменам может находиться под влиянием европейской школы, которая была им пройдена. Однако требуется дополнительный анализ такого рода смещений, чтобы с полной уверенностью говорить об их наличии.

Журналы, которые больше других публикуют статьи, посвященные МП, и наиболее цитируемы, относятся к узкоспециализированным. По результатам исследования журналом, который цитируется наибольшим количеством источников в поле МП, стал *Crime, Media, Culture*, что, возможно, демонстрирует одну из особенностей исследований МП — разработку воздействия медиа на пролиферацию паники и небольшое внимание к аудитории — рецептору. Такой вывод согласуется с озвученным ранее заключением относительно областей, в которых пишут о понятии. Так, Критчер замечает, что исследования МП не фокусируются на реакции аудитории на нее, вместо этого придается значение медиа воздействию (Cricher, Pearce, 2013). В дальнейшем предполагаемому дисциплинарному сдвигу в исследованиях МП скорее всего будут способствовать и изменения в журналах, на страницах которых появляются статьи, посвященные понятию. На мой взгляд, как уже упоминалось, это будут скорее источники в области социально-медицинских исследований, чем общесоциологические.

По работам наиболее цитируемых авторов заметно, что чаще всего ссылаются в исследованиях МП на тех, кто пишет об этом феномене в контексте онлайн-исследований (игровая зависимость, агрессия, размещение селфи), в то время как другие тематические контексты менее популярны. МП упоминают прежде всего в связи с теоретическим развитием этой темы, анализом роли СМИ в производстве МП, проблемами детей и молодежи и преступлениями. Таким образом, заметно, что МП, будучи концептом, введенным в результате кейс-стади молодежи, продолжает преимущественно использоваться в исследованиях этой социальной группы. Другие эмпирические исследования представлены в меньшей мере, соответственно, можно предположить, что, несмотря на опасения исследователей, эрозии понятия МП не происходит (Best, 2016). Сопоставление с результатами анализа узусов данного концепта в прессе демонстрирует, что в научном дискурсе в сравнении с дискурсом медиа (Altheide, 2009) преобладают иные контексты использования понятия. Однако заметно, что некоторые из тем, которые представ-

лены в научном дискурсе (сексуальность, гендер, животные, культуры), все же соотносятся с критической левой активистской повесткой. Последняя, вероятно, способствовала тому, что эти темы и области исследований, с ними связанные, стали возникать в научном дискурсе и, возможно, в дальнейшем будут благоприятствовать его распространению (Miller, 2016). Также мне не удалось зафиксировать явных признаков доминирования ни одной из выделенных Хантом моделей объяснения моральной паники (Hunt, 1997). Несмотря на то что на данный момент эрозии понятия МП, судя по имеющимся данным, нет, если концепт будет развиваться, то скорее всего количество эмпирических контекстов расширится, а их взаимное соотношение изменится.

Наряду с уже наличествующими дискуссионными аспектами теории МП, о которых сообщалось в начале этой статьи, мне кажется значимым акцентировать внимание на недостаточной развитости узусов МП в связи с социально-психологическим подходом к изучению этого понятия. Возможно, что для того, чтобы связь между публикой и СМИ имела более основательные объяснения в социологической теории, необходимо вернуться к исследованиям катастроф, поскольку именно их Коэн скомбинировал с социологическими теориями в своей концепции МП. Соответствующие исследования могут поспособствовать лучшему прогнозированию развития моральных паник, а значит и возможностям их превенции.

Ограничения исследования

К числу ограничений тех выводов, которые были получены в рамках этого исследования, относится спектр работ, включенных в эмпирическую базу (только публикации из базы цитирования WoS). Поиск работ по МП за тот же временной период в базах Google Scholar и Scopus показывает, что WoS содержит 2,22% публикаций от общего числа аналогичных в Google Scholar¹² и 93,5% от Scopus. Кроме того, при осуществлении контент-анализа я руководствовалась только аннотациями, поэтому количественные показатели упоминаемости слов, вероятно, могут варьироваться в зависимости от единицы анализа. Также понятно, что аналитический подход, который был применен в этом исследовании, не учитывает смыслы, которые сами авторы вкладывают в обнаруженные нами узусы. Скорее всего, интервьюирование этих авторов могло бы дополнить полученные нами результаты.

---

12. Необходимо заметить, что сильное различие в количестве публикаций между Google Scholar и WoS обусловлено характером работ, которые индексируются этими базами. Google Scholar содержит, в отличие от WoS, и ненаучные публикации, а также диссертации. Вдобавок научные работы, которые фиксируются в WoS, обладают более высоким качеством, нежели те, что хранятся в Google Scholar.

Литература

- Ефанов А. А.* (2019). Развитие концепта «моральные паники» в социокультурной ретроспективе // *Культура в фокусе научных парадигм.* № 9. С. 11–16.
- Altheide D. L.* (2009). *Moral Panic: From Sociological Concept to Public Discourse* // *Crime, Media, Culture.* Vol. 5. № 1. P. 79–99.
- Aliakbar A., Casnici N., Squazzoni F.* (2018). The Conundrum of Research Productivity: A Study on Sociologists in Italy // *Scientometrics.* Vol. 114. № 3. P. 859–882.
- Best J.* (2016). The Problems with Moral Panic: The Concept's Limitations // *Krinsky C.* (ed.). *The Ashgate Research Companion to Moral Panics.* L.: Routledge. P. 67–78.
- Billieux J., King D. L., Higuchi S., Achab S., Bowden-Jones H., Hao W., Long J., Lee H. K., Potenza M. N., Saunders J. B., Poznyak V.* (2017). Functional Impairment Matters in the Screening and Diagnosis of Gaming Disorder // *Journal of Behavioral Addictions.* Vol. 6. № 3. P. 285–289.
- Cohen S.* (2011). *Folk Devils and Moral Panics.* L.: Routledge.
- Cree V., Clapton G., Smith M.* (2015). *Revisiting Moral Panics.* Bristol: Policy Press.
- Cree V., Clapton G., Smith M.* (2016). Standing Up to Complexity: Researching Moral Panics in Social Work // *European Journal of Social Work.* Vol. 19. № 3–4. P. 354–367.
- Critcher C.* (2008). Moral Panic Analysis: Past, Present and Future // *Sociology Compass.* Vol. 2. № 4. P. 1127–1144.
- Critcher C., Pearce, J.* (2013). A Missing Dimension: The Social Psychology of Moral Panics // *Krinsky C.* (ed.). *The Ashgate Research Companion to Moral Panics.* L.: Routledge. P. 371–386.
- David M., Rohloff A., Petley J., Hughes J.* (2011). The Idea of Moral Panic: Ten Dimensions of Dispute // *Crime, Media, Culture.* Vol. 7. № 3. P. 215–228.
- Franc M., Krongegger L., Ferligoj A.* (2010). Co-Authorship Trends and Collaboration Patterns in the Slovenian Sociological Community // *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy.* Vol. 1. № 2. P. 29–50.
- Garland D.* (2008). On the Concept of Moral Panic // *Crime, Media, Culture.* Vol. 4. № 1. P. 9–30.
- Grimm R.* (2015). The Rise of the German Eurosceptic Party Alternative für Deutschland: Between Ordoliberal Critique and Popular Anxiety // *International Political Science Review.* Vol. 36. № 3. P. 264–278.
- Hunt A.* (1997). «Moral Panic» and Moral Language in the Media // *British Journal of Sociology.* Vol. 48. № 4. P. 629–648.
- Jane E. A.* (2014). «Your a Ugly, Whorish, Slut»: Understanding E-bile // *Feminist Media Studies.* Vol. 14. № 4. P. 531–546.
- Kaidesoja T.* (2018). Building Middle-Range Theories from Case Studies // *Studies in History and Philosophy of Science.* Vol. 78. P. 23–31.
- Krinsky C.* (2013). Introduction: The Moral Panic Concept // *Krinsky C.* (ed.). *The Ashgate Research Companion to Moral Panics.* L.: Routledge. P. 1–14.

- Kronegger L., Mali F., Ferligoj A., Doreian P.* (2012) Collaboration Structures in Slovenian Scientific Communities // *Scientometrics*. Vol. 90. № 2. P. 631–647.
- Maltseva D., Batagelj V.* (2020). Towards a Systematic Description of the Field Using Keywords Analysis: Main Topics in Social Networks // *Scientometrics*. Vol. 123. № 1. P. 357–382.
- Massey D. S., Durand J., Pren K. A.* (2016). Why Border Enforcement Backfired // *American Journal of Sociology*. Vol. 121. № 5. P. 1557–1600.
- McLaughlin E.* (2014). See also Young, 1971: Marshall McLuhan, Moral Panics and Moral Indignation // *Theoretical Criminology*. Vol. 18. № 4. P. 422–431.
- McRobbie A., Thornton S. L.* (1995). Rethinking «Moral Panic» for Multi-Mediated Social Worlds // *British Journal of Sociology*. Vol. 46. № 4. P. 559–574.
- Miller T.* (2016). Tracking Moral Panic as a Concept // *Krinsky C.* (ed.). *The Ashgate Research Companion to Moral Panics*. L.: Routledge. P. 37–54.
- Monod S. W.* (2017). *Making Sense of Moral Panics: A Framework for Research*. Cham: Springer.
- Morgan G., Dagistanli S., Martin G.* (2010). Global Fears, Local Anxiety: Policing, Counterterrorism and Moral Panic Over «Bikie Gang Wars» in New South Wales // *Australian New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 43. № 3. P. 580–599.
- Rodger J. J.* (2012). Loïc Wacquant and Norbert Elias: Advanced Marginality and the Theory of the De-civilising Process // *Squires P., Lea J.* (eds.). *Criminalisation and Advanced Marginality: Critically Exploring the Work of Loic Wacquant*. Bristol: Policy Press. P. 87–106.
- Segool N. K., Goforth A. N., Bowman N., Pham A.* (2016). Social Networking Practices in School Psychology: Have Moral Panic Concerns Been Overstated? // *Journal of Applied School Psychology*. Vol. 32. № 1. 66–81.
- Senft T. M., Baym N. K.* (2015). What does the Selfie Say? Investigating a Global Phenomenon // *International Journal of Communication*. Vol. 9. P. 1588–1606.
- Taylor C.* (2014). *Investigating the Representation of Migrants in the UK and Italian Press: A Cross-Linguistic Corpus-Assisted Discourse Analysis* // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 19. № 3. P. 368–400.
- Thompson B., Greek C.* (2012). Mods and Rockers, Drunken Debutants, and Sozzled Students: Moral Panic or the British Silly Season? // *SAGE Open*. Vol. 2. № 3: P. 1–13.
- Ungar S.* (2001). Moral Panic versus the Risk Society: The Implications of the Changing Sites of Social Anxiety // *British Journal of Sociology*. Vol. 52. № 2. P. 271–291.
- Van Nunen K., Genserik Reniers J. L., Ponnet K.* (2018). Bibliometric Analysis of Safety Culture Research // *Safety Science*. Vol. 108. P. 248–258.
- Warf B.* (2014). High Points: An Historical Geography of Cannabis // *Geographical Review*. Vol. 104. № 4. P. 414–438.
- Young J.* (2009). Moral Panic: Its Origins in Resistance, Ressentiment and the Translation of Fantasy into Reality // *British Journal of Criminology*. Vol. 49. № 1. P. 4–16.

Who Uses the Moral Panic Concept? A Bibliometric Analysis of Moral Panic Scientific Literature

Oxana Mikhaylova

PhD student, Research Assistant, Center for Modern Childhood Research, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: oxanamikhailova@gmail.com

In this paper, the bibliometric approach was used for the investigation of the research field organized around the concept of moral panic. To examine the current condition of the moral panic field, we analyzed the papers published in the WoS from 1972–2019. As a result of our study, the thematic areas, and the most influential actors in the field were revealed and described. Today, the moral panic field is dominated by sociologists. Among the leaders in terms of citations are authors from financially-developed countries. This shows that there is an economic inequality in the production of papers. The most cited are publications devoted to online studies. The results of this research demonstrate that there is no noticeable erosion among the empirical contexts, where the concept is used because children and youth are still the most popular object of moral panic studies. They are the classical objects for moral panic papers. At the same time, it could be argued that this field is still in the process of development because the theoretical and empirical papers that prevail are connected with the integration of the moral panic theory with other theories and concepts. We suppose this approach to the conceptual analysis developed in this paper could be useful for the revision of other fields developed around controversial concepts in sociology.

Keywords: moral panic, moral panics, bibliometric analysis, concept, conceptual analysis

References

- Aliakbar A., Casnici N., Squazzoni F. (2018) The Conundrum of Research Productivity: A Study on Sociologists in Italy. *Scientometrics*, vol. 114, no 3, pp. 859–882.
- Altheide D. L. (2009) Moral Panic: From Sociological Concept to Public Discourse. *Crime, Media, Culture*, vol. 5, no 1, pp. 79–99.
- Best J. (2016) The Problems with Moral Panic: The Concept's Limitations. *The Ashgate Research Companion to Moral Panics* (ed. C. Krinsky), London: Routledge, pp. 67–78.
- Billieux J., King D. L., Higuchi S., Achab S., Bowden-Jones H., Hao W., Long J., Lee H. K., Potenza M. N., Saunders J. B., Poznyak V. (2017) Functional Impairment Matters in the Screening and Diagnosis of Gaming Disorder. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 6, no 3, pp. 285–289.
- Cohen S. (2011) *Folk Devils and Moral Panics*, London: Routledge.
- Cree V., Clapton G., Smith M. (2015) *Revisiting Moral Panics*, Bristol: Policy Press.
- Cree V. E., Clapton G., Smith M. (2016) Standing Up to Complexity: Researching Moral Panics in Social Work. *European Journal of Social Work*, vol. 19, no 3–4, pp. 354–367.
- Critcher C. (2008) Moral Panic Analysis: Past, Present and Future. *Sociology Compass*, vol. 2, no 4, pp. 1127–1144.
- Critcher C., Pearce, J. (2013) A Missing Dimension: The Social Psychology of Moral Panics. *The Ashgate Research Companion to Moral Panics* (ed. C. Krinsky), London: Routledge, pp. 371–386.
- David M., Rohloff A., Petley J., Hughes J. (2011) The Idea of Moral Panic: Ten Dimensions of Dispute. *Crime, Media, Culture*, vol. 7, no 3, pp. 215–228.
- Efanov A. (2019) Razvitiye kontsepta "moral'nyye paniki" v sotsiokul'turnoy retrospektive [Development of the "Moral Panic" Concept in a Sociocultural Retrospective]. *Kultura v fokuse nauchnykh paradigm*, no 9, pp. 11–16.
- Franc M., Kronegger L., Ferligoj A. (2010) Co-Authorship Trends and Collaboration Patterns in the Slovenian Sociological Community. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 1, no 2, pp. 29–50.

- Garland D. (2008) On the Concept of Moral Panic. *Crime, Media, Culture*, vol. 4, no 1, pp. 9–30.
- Grimm R. (2015) The Rise of the German Eurosceptic Party Alternative für Deutschland: Between Ordoliberal Critique and Popular Anxiety. *International Political Science Review*, vol. 36, no 3, pp. 264–278.
- Hunt A. (1997) "Moral Panic" and Moral Language in the Media. *British Journal of Sociology*, vol. 48, no 4, pp. 629–648.
- Jane E. A. (2014) "Your a Ugly, Whorish, Slut": Understanding E-bile. *Feminist Media Studies*, vol. 14, no 4, pp. 531–546.
- Kaidesoja T. (2018) Building Middle-Range Theories from Case Studies. *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 78, pp. 23–31.
- Krinsky C. (2013) Introduction: The Moral Panic Concept. *The Ashgate Research Companion to Moral Panics* (ed. C. Krinsky), London: Routledge, pp. 1–14.
- Kronegger L., Mali F., Ferligoj A., Doreian P. (2012) Collaboration Structures in Slovenian Scientific Communities. *Scientometrics*, vol. 90, no 2, pp. 631–647.
- Maltseva D., Batagelj V. (2020) Towards a Systematic Description of the Field Using Keywords Analysis: Main Topics in Social Networks. *Scientometrics*, vol. 123, no 1, pp. 357–382.
- Massey D. S., Durand J., Pren K. A. (2016) Why Border Enforcement Backfired. *American Journal of Sociology*, vol. 121, no 5, pp. 1557–1600.
- McLaughlin E. (2014) See also Young, 1971: Marshall McLuhan, Moral Panics and Moral Indignation. *Theoretical Criminology*, vol. 18, no 4, pp. 422–431.
- McRobbie A., Thornton S. L. (1995) Rethinking "Moral Panic" for Multi-Mediated Social Worlds. *British Journal of Sociology*, vol. 46, no 4, pp. 559–574.
- Miller T. (2016) Tracking Moral Panic as a Concept. *The Ashgate Research Companion to Moral Panics* (ed. C. Krinsky), London: Routledge, pp. 37–54.
- Monod S. W. (2017) *Making Sense of Moral Panics: A Framework for Research*, Cham: Springer.
- Morgan G., Dagistanli S., Martin G. (2010) Global Fears, Local Anxiety: Policing, Counterterrorism and Moral Panic Over "Bikie Gang Wars" in New South Wales. *Australian New Zealand Journal of Criminology*, vol. 43, no 3, pp. 580–599.
- Rodger J. J. (2012) Loïc Wacquant and Norbert Elias: Advanced Marginality and the Theory of the De-Civilising Process. *Criminalisation and Advanced Marginality: Critically Exploring the Work of Loïc Wacquant* (eds. P. Squires, J. Lea), Bristol: Policy Press, pp. 87–106.
- Segool N. K., Goforth A. N., Bowman N., Pham A. (2016) Social Networking Practices in School Psychology: Have Moral Panic Concerns Been Overstated?. *Journal of Applied School Psychology*, vol. 32, no 1. 66–81.
- Senft T. M., Baym N. K. (2015) What does the Selfie Say? Investigating a Global Phenomenon. *International Journal of Communication*, vol. 9, pp. 1588–1606.
- Taylor C. (2014) Investigating the Representation of Migrants in the UK and Italian Press: A Cross-Linguistic Corpus-Assisted Discourse Analysis. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 19, no 3, pp. 368–400.
- Thompson B., Greek C. (2012) Mods and Rockers, Drunken Debutants, and Sozzled Students: Moral Panic or the British Silly Season?. *SAGE Open*, vol. 2, no 3, pp. 1–13.
- Ungar S. (2001) Moral Panic versus the Risk Society: The Implications of the Changing Sites of Social Anxiety. *British Journal of Sociology*, vol. 52, no 2. pp. 271–291.
- Van Nunen K., Genserik Reniers J. L., Ponnet K. (2018) Bibliometric Analysis of Safety Culture Research. *Safety Science*, vol. 108, pp. 248–258.
- Warf B. (2014) High Points: An Historical Geography of Cannabis. *Geographical Review*, vol. 104, no 4, pp. 414–438.
- Young J. (2009) Moral Panic: Its Origins in Resistance, Ressentiment and the Translation of Fantasy into Reality. *British Journal of Criminology*, vol. 49, no 1, pp. 4–16.